ПРЕНАТАЛЬНЫЙ ПЕРИОД И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ЗАПРЕТЫ И ПРЕДПИСАНИЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА¹

Татьяна ЗАЙКОВСКИ
Институт культурного наследия

CZU:392.11(=161.1)(478)

<https://doi.org/10.52603/9789975351379.27>

The prenatal period and related prohibitions and prescriptions among the Old Believers of the Republic of Moldova

Summary: The author presents some results of her research of the indicated period, which was carried out on the basis of a specially compiled questionnaire in places of compact residence of Lipovans in such villages as Kunicha, Egorovka, etc., as well as in the city of Chisinau. There are a number of preventive actions and prohibitions aimed at ensuring the health and strength of the woman in labor and her baby. Often they are based on common sense, on pragmatics, but not always the informants could explain the reasons for certain prohibitions. A pregnant woman was prohibited from doing, for example, the following actions: sewing; stepping over a long (wire, rope) or sharp object; contacting with animal hair (dogs, cats, etc.); touching her own body when frightened (for example, during a fire); looking at the deceased through the window, etc. According to the testimony of informants, much attention was paid to protecting the woman in labor from the „evil eye”. And if this happened, then they were treated with prayers and herbs. There were also signs by which they tried to guess the sex of the unborn child. Before giving birth, a woman usually confesses to her spiritual father.

Keywords: Old Believers / Lipovans, Republic of Moldova, maternity rituals, prohibitions, prescriptions.

Родильная обрядность состоит из нескольких периодов – дородового, родового и послеродового. В данной главе мы представим результаты исследования первого периода. Оно осуществлено на основе специально разработанного нами вопросника. Был проведен ряд расширенных интервью с информаторами, проживающими в селах с компактным проживанием липован (Кунича, Егоровка и др.), а также в городах, где их проживает немалое количество, включая Кишинев, Единцы и др.

Исследователи данной тематики отмечают, что родильно-крестильный обрядовый комплекс старообрядцев/липован обнаруживает значительное сходство с общерусской, а также общеславянской обрядностью. Его близость и соответствующие параллели прослеживаются не только в традиционных верованиях и представлениях, имеющих отношение к рождению ребенка, но и в ритуальной практике. Е. В. Паунова, говоря о доказательствах указанного сходства, пишет:

1 Данная работа выполнена в рамках проекта Института культурного наследия (2020–2023): 96-PS 20.80009.1606.02: *Evoluția tradițiilor și procesele etnice în Republica Moldova: suport teoretic și aplicativ în promovarea valorilor etnoculturale și coeziunii sociale.*

«Подтверждением этому служат многочисленные описания родильного обряда, содержащиеся как в трудах дореволюционных, так и современных отечественных этнографов и собирателей „живой старины”. Родильно-крестильный цикл отражает общепринятую для русских структуру и содержит в себе три последовательных этапа, включающие обычаи и обряды, предшествующие родам, собственно роды, последующие за ними, связанные с этапами очищения и социализации. Как и в общерусской родильной обрядности, обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка старообрядцев-липован, направлены на: 1) сохранение жизни и здоровья роженицы и новорожденного, обеспечение его благополучного развития, 2) восстановление природного равновесия, нейтрализацию опасности переходного периода, связанную с временной открытостью границы двух сфер (свой - чужой, чистый – нечистый), активизацию всех сторон и аспектов жизни семьи и социума» (Паунова 2005: 154). В справедливости сказанного мы не раз убеждались на многочисленных примерах, почерпнутых из интервью с информаторами из компактных мест проживания старообрядцев Республики Молдова в ходе нашего исследования.

Пока длится беременность, женщина должна особенно тщательно защищать себя различными христианскими средствами: «начинать и заканчивать день молитвой, ограждать себя крестом до и после принятия пищи, не выходить из дома, не призвав в помощь небесные силы. <...> Утром, в течение дня и перед сном чаще, чем обычно, читали молитвы: „Да воскреснет Бог...”, „Отче наш...” и др., а также духовные стихи и народные молитвы. Строжайшим образом соблюдали посещение храмов в религиозные праздники и воскресные дни» (Арсланова 2010: 30). Информаторы в Куниче сообщили, что беременной, а потом и роженице следует молиться Богородице («призывать Богородицу»): «Наша спасительница – это Богородица. Надо читать „Богородице Дево, радуйся...” и призывать Бога по три раза с перерывами. <...> Недаром есть такая поговорка – „Без Бога не до порога”» (К.А.С.).

Главной защитой будущей матери и ребенка, как твердо убеждены информаторы, являются крест и молитва, также используется святая вода. А народные защитные средства или запреты, по мнению некоторых информаторов, – «это так, на всякий случай» (К.Т.И.).

Тем не менее в селах действовал ряд традиционных запретов, которые предписывалось соблюдать беременной женщине в апотропеических целях, для защиты себя и будущего ребенка. Так, нельзя было шить (чтобы младенец не родился со сросшимися пальчиками); нельзя было перешагивать через веревку, цепь, проволоку и т. п. – чтобы пуповина не обвила ребенка; гладить или пинать домашних животных (то есть запрет на соприкосновение с шерстью животных, чтобы у ребенка не появилась «щетинка» на спинке) и т. д. Таким образом, прослеживается последовательная связь между нарушением запрета и его последствиями. Например: если перешагнешь через веревку, то...; если будешь шить, то... и т. д. О таких запретах подробно говорит в своей статье и Н. Душакова (Душакова 2018).

Существовал также запрет смотреть в окно на покойника («не то что подходить к покойнику, а даже смотреть на него»). Нельзя было внезапно пугаться че-

го-либо (от испуга женщина хваталась руками за щеки или другую часть тела, и младенец мог родиться с пятном в этом месте) (Л.Л.В.; К.Н.Г.). С защитной целью беременной повязывают иногда красную ленточку/тесьму/ниточку на левую руку (К.Т.И.).

Не каждому запрету и не все информаторы могли дать объяснение, но в селах их придерживаются.

Но прежде всего и с особой строгостью в старообрядческой среде соблюдались ограничения и запреты, которые были связаны не с традиционной обрядностью, а с церковными предписаниями: «Беременные женщины с особым усердием выполняли ограничения, предписанные церковью: запрет на работу в религиозные праздники, требование соблюдения положенных предписаний в пище во время постов и постных дней. Скоромная еда в пост позволялась лишь при плохом самочувствии женщины. В этом случае обращались к священству за благословением на послабление поста. Самостоятельно было не принято разрешать пост» (Арсланова 2010: 30).

Хотя женщины у староверов выступают не только как хранительницы домашнего очага, но и как основные носительницы традиций и духовного опыта, воспитательницы подрастающего поколения, женщина, по их представлениям, считается «нечистой» с рождения. Это подчеркивается во многих исследованиях, в которых представлена информация о старообрядцах различных географических широт. Например, по свидетельствам исследователя Л. Ковалевой, изучавшей традиционную культуру старообрядцев Дальнего Востока (в том числе проживающих в пос. Березовый), этот факт просматривается в ряде обычаев, демонстрирующих общее отношение к женщине как таковой, в отличие от мужчины. Она приводит два красноречивых примера. Первый: если в колодец упала мышь, то колодец «справляют» (то есть выливают из него 40 ведер воды) и читают специальную молитву. Если в колодец упадет девочка, то его закапывают или забивают и никогда им больше не пользуются. Второй пример: если за праздничным столом закапризничал младенец и его нужно передать через стол, то так поступить можно только с мальчиком, девочку же через стол ни в коем случае не передают – только вокруг.

(подробнее см.: Ковалева). Мы со столь экстремальными случаями в процессе своих исследований не сталкивались.

Истоки убеждения относительно противоречивости женской природы, свойственного древним взглядам на мир, находятся в представлении о двойственности, связанной с обрядами перехода. Способность женщины к деторождению делает ее причастной к потустороннему миру и в определенном смысле обуславливает ее связь со смертью. Таким образом, в женщине, с одной стороны, содержится потенциал к рождению новой жизни, а с другой, она несет в себе скрытую угрозу из-за сопричастности к сфере потустороннего. Процитируем в связи с этим интересные и глубокие размышления петербургской исследовательницы Юлии Трещенок, которая занимается изучением ритуалов перехода: «Двойственность женской природы, свойственная архаическим формам мироощущения, берет свое начало в представлении об амбивалентности природы смерти, выраженной в двух прин-

циях, фундирующих мифоритуальные сценарии обрядов перехода. В женщине, носительнице детородной функции, реализуются оба комплементарных мировоззренческих принципа: „жизнь как антипод смерти” и „смерть как источник жизни”. Смерть, будучи логической противоположностью жизни, вместе с тем, представляет из себя порог. Смерть утверждает факт перехода, смены статуса и является гарантом его необратимости. Смерть, как и женщина, в традиционной культуре – одновременно источник блага и опасности деструктивного влияния потусторонней сферы. <...> Ритуальная нечистота женщины, понимаемая традиционной культурой как соприродная нечистоте новорожденного и покойника, определяет ее пограничное состояние и одновременную ориентированность на две оппозиционные зоны мифоритуального пространства: потусторонний и посюсторонний мир. Двойственность смерти, отчетливо проявляющаяся в продуцирующих ритуалах, притягивает двойственные характеристики к образу женщины и женственности, в свою очередь, образ смерти усваивает женские черты» (Трещенок 2017: 140).

Сказанное относится не только к беременной. Вообще говоря, во всем, что связано с вынашиванием ребенка, родами и процедурами очищения после родов, то есть с состоянием беременной женщины и роженицы, ее отношениями с повивальной бабкой и т. д. исполнено противоречивости, двойственности. Начнем с того, что женщина, которая является смертной, обладает жизнеутверждающей функцией: способна породить новую жизнь. Повитуха также несет в себе двойственный смысл, будучи проводником между двумя мирами. Родильная обрядность так или иначе направлена на то, чтобы в определенной степени устранить указанную возникшую двойственность.

Хотя к женщине вообще отношение у липован неоднозначное, для их семей характерно бережное отношение к беременной женщине. Обычно в начале беременности повседневная деятельность женщины практически не изменялась. Она продолжала трудиться в поле, ухаживать за домашними животными, а также выполнять домашнюю работу (которую ей приходилось делать всю самой, если в семье не было старших детей, которые могли бы ей помочь). Считалось, что ей нужно как можно больше двигаться, тогда и роды пройдут легче. К концу беременности женщину освобождали от такой хозяйственной деятельности, которая была сопряжена с перенапряжением. В действительности, как мы видим, следуя таким традициям, старообрядцы просто придерживались здравого смысла. Информаторы говорят, что «работа должна быть по возможностям беременной женщины», «она всё делает по ее самочувствию» (К.А.С.).

Тем не менее, если в семье нет старших детей, способных помочь в повседневной домашней работе, то беременной приходится самой выполнять ее, но не напрягаясь, в зависимости от своего состояния. При этом считается, что нужно остерегаться тяжелых работ, чтобы не навредить ребенку. Интересно, что беременным, как отмечалось выше, запрещалось шить. Казалось бы, не такая сложная работа, но народные представления говорили о том, что ребенок может родиться со сросшимися пальчиками. Следует отметить, что такое объяснение дали только некоторые информаторы, другие лишь ограничились констатацией факта как та-

кового, прямо признавшись, что объяснить не могут, но во время своей беременности придерживались данного запрета.

На вопросы «Сообщали ли близким о беременности? Когда и кому можно было об этом сказать, а кому об этом знать было не нужно?» последовали неоднозначные ответы.

С одной стороны, как свидетельствуют наши опрошенные, не то что не было запрета в этом отношении, а даже наоборот: беременность нельзя было скрывать. О ней говорили, сообщали в семье близким. Считалось, что сокрытие беременности повлечет за собой немощность будущего ребенка, он долго не будет говорить (проводилась своеобразная параллель: беременная не сказала – ребенок не будет говорить). По словам информаторов, умалчивали какое-то время, пока беременность не становилась заметной, только те, у кого долго не было детей: боялись сглазить. Ну, и скрывали, конечно, те, «которые в девках оставались», то есть без мужа. Вообще ситуация с внебрачным ребенком считалась «большой трагедией и великим позором» (К.Т.И.). Но порой такое случалось, хотя, конечно, такие ситуации сильно порицались.

С другой стороны, существовал стыд, характерный в этом отношении для верующего человека. Следующий фрагмент беседы с информатором в известной степени объясняет ответы на вышеуказанные вопросы:

«Авт. Когда женщина уже знала, что она беременна, когда она могла сообщить об этом? Кому она могла сказать, а кому не надо было об этом знать?

К.Т.И. Не было такого. Просто мы стеснялись. Секс был как бы... Ну, не запретный, но... не разглашалось это.

Авт. Не принято было говорить?

К.Т.И. Да. И когда невеста уходила в дом жениха, жила там, то как она потом могла сказать, что она беременная, чужим родителям?! Это уже когда живот вырос, то прячешься, скрываешься, но уже никуда не денешься. Стеснялись.

Т. 3. То есть не боялись, что кто-нибудь сглазит, например, а просто стеснялись?

К.Т.И. Ну, некоторые красную веревочку на руку левую навязывали. На всякий случай».

У старообрядцев считается суеверием пытаться угадать пол будущего ребенка (они руководствуются следующим принципом: «Кого Бог даст»). А уж тем более недопустимы попытки повлиять на него (как, например, в некоторых регионах России в не старообрядческой среде на свадьбе сажали невесте на колени мальчика, чтобы у нее рождались мальчики). Тем не менее практика попыток определения пола ребенка по некоторым приметам и признакам существует. Например, по форме живота – продолговатый или круглый (Кстати, ответ на вопрос «Как гадают о том, мальчик будет или девочка?» был сопровожден уточнением: «Ну, не гадали, а так бабки говорили»). Использовалась также нитка с иголкой (но это не тот способ, когда раскачивают иголку, подвешенную на нитке, и если иголочка описывает круги, то родится девочка, а если раскачивается по прямой – то будет мальчик). Женщине давали, словно невзначай, иголочку с ниткой. И наблюдали, чего она коснется рукой: если иголочки (нечто острое, твердое), то будет мальчик, а если нитки (теплое, мягкое) – то девочка.

Часто эти приметы и запреты основаны на здравом смысле, на практических знаниях и прагматике, но не всегда информаторы могли объяснить их причины.

Исследователи часто приводят различные приметы, бытующие у староверов, живущих в других частях мира (в том числе связанные с бинарными архетипическими оппозициями). Например, свидетельства, отмеченные в среде астраханских липован (именно так они называются, поскольку переселились из Румынии): «Существовали приметы, основанные на противопоставлении правого/левого. Шевеления и толчки в правой стороне живота предвещали мальчика, в левой – девочку (общеизвестная оппозиция правого (мужского) и левого (женского))» (Арсланова 2010: 33). Нами эти и другие подобные приметы пока зафиксированы не были. Но исследование продолжается, и, возможно, их еще удастся выявить.

Приведем фрагмент одного из интервью, в котором говорится о запретах для беременной:

«Л.Л.В. Нельзя было бывать на похоронах. Вот если несут покойника, в окно нельзя было смотреть. Такой запрет был. Пугаться нельзя было огня. Стричься нельзя было. Когда пройдет время, то тогда уже было можно, после беременности.

Авт. А вот интересно: почему стриться нельзя было?

Л.Л.В. Ну, раньше девки вообще ходили с косами. Но и в наше время, когда мы ходили беременными, стриться было нельзя».

И только с помощью наводящих вопросов удалось выяснить, что нельзя было от себя какую-то часть отделять, надо было сохранять свою целостность.

Интересно, что беременной, которой с медицинской точки зрения нельзя поднимать тяжести, можно было носить воду (являющуюся в народных представлениях особой субстанцией), из колодца, а вот роженице – нельзя:

«Л.Л.В. Нечистой она была. Поэтому и к колодцу нельзя было ей подходить, потому что вода».

И дальше никаких объяснений не последовало. Хотя для исследователя, конечно, взаимосвязь налицо, и она совершенно прозрачна.

Среди прочего существует также запрет для беременных убивать кого-либо, пусть даже муху. Об этом говорит в уже упоминавшейся статье Н. Душакова, изучавшая ряд аспектов, связанных с культурой и менталитетом липован Северо-Западного Причерноморья.

Регламентировалось поведение не только беременной, но и окружающих ее людей. Например, беременной нельзя было отказывать, если ей что-то захочется съесть. (В Кунице информаторы рассказывали, что когда-то этим очень разумно пользовались забредавшие в село цыганки, которые говорили, указывая конкретно на то, что им хотелось: «Я беременная, дайте мне...» – и никто – из-за существующей традиции – не смел им отказать.)

По свидетельствам информаторов, большое внимание уделялось защите роженицы от «сглаза» (прежде всего молитва, красная ленточка/ниточка на запястье, использование словесного оберега – защитной фразы «Соль тебе в глаза!»). А если такое случалось, то лечили молитвами и травами. Апотропейный характер носило использование воды, взятой из колодца (а лучше из трех) в праздник Сретения Господня; при этом следовало читать молитвы – «Отче наш» или молитву

Богородице. Умываться ею надо было от подбородка вверх, захватывая и волосы (информация из Старой Добруджи) (подробнее см.: Душакова 2018: 136).

Перед родами женщина обычно исповедуется.

В данной статье, в соответствии с заявленной темой, мы не касаемся других периодов родильной обрядности, хотя они тесно связаны с первым. Они будут раскрыты в других публикациях.

Список информаторов

К.А.С., 1946 г. р., с. Кунича, Флорештский р-н.

П.Е.В., 1958 г. р., с. Кунича, Флорештский р-н.

Б.И.М., 1978 г. р., с. Покровка, Дондюшанский р-н.

К.Н.Г., 1976 г. р., г. Кишинев.

Л.Л.В., 1967 г. р., с. Егоровка, Фалештский р-н.

К.Т.И., 1947 г. р., с. Егоровка, Фалештский р-н.

Литература

Арсланова Е. Обряды жизненного цикла старообрядцев-липован Астраханской области (родильно-крестильные и похоронно-поминальные). Астрахань: ИП Сорокин Иван Васильевич, 2010.

Душакова Н. С. Родильная обрядность старообрядцев Северо-Западного Причерноморья: актуальные вернакулярные представления и практики. В: Этнографическое обозрение, 2018, № 3, с. 133-150.

Ковалева Л. Духовные обряды староверов. В: Словесница искусств. Региональный культурно-просветительский журнал. Комсомольск-на-Амуре, 2005, № 1 (15). <http://www.slovoart.ru › node> (дата обращения – 30.04.2021).

Паунова Е. В. Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка у астраханских старообрядцев-липован. В: Липоване. Вып. 2. Одесса, 2005, с. 135-154.

Трещенок Ю. М. Представление о ритуальной нечистоте женщины в традиционной культуре. В: Гуманитарный вектор, 2017, т. 12, № 3, с. 140-147.

Сведения об авторе:

Татьяна Зайковски (Кишинев, Республика Молдова). Доктор филологии, конференциар. Центр этнологии, Институт культурного наследия.

E-mail: tanzai57@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5438-9945>